

Новая религія

Вопросъ о судьбахъ Третьяго Рейха, являющійся въ послѣдніе три года предметомъ столь страстныхъ полемикъ, столь мучительныхъ и горячихъ споровъ, выходитъ далеко за рамки чисто политической проблемы.

У нѣмцевъ любовь къ техникѣ, къ организаціи всегда преобладала съ любовью къ метафизикѣ. «Нѣмецъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ. — восклицаетъ Анри Массисъ, — для изложенія своей философіи, и притомъ съ изумительной откровенностью».

Въ этомъ отношеніи правители Третьяго Рейха пошли даже дальше своихъ предшественниковъ, открыто провозгласивъ, что ихъ домогательства отнюдь не могутъ быть втиснуты въ рамки простой политической программы. «Впервые въ исторіи Германіи, — заявлялъ еще въ 1933 году докторъ Лей, глава Рабочаго Фронта, — политическое движеніе ставитъ себѣ цѣлью дать цѣлому народу міровоззрѣніе, «концепцію Вселенной», — задача, которая до сихъ поръ принадлежала исключительно Церкви».

Три года спустя, осенью 1936 года статсъ-секретарь министерства юстиціи В. Штукартъ, перечисляя въ юбилейной передовой статьѣ «Фелькишеръ Беобахтеръ» одиннадцать «основныхъ принциповъ» режима, формулировалъ первый «принципъ» нижеслѣдующимъ образомъ: «національ-соціалистическая философія является основой существованія и этимъ самымъ — основой всей организаціи Рейха».

Въ чемъ же заключается эта философія? Кто ея творцы? И каково ея отношеніе къ ученіямъ, исповѣдуемымъ другими христіанскими или языческими народами? Общеизвѣстно, что официальной философій Третьяго Рейха провозглашенъ расизмъ; но однимъ этимъ словомъ еще ничего не сказано: оно требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Въ 1816 году Гегель провозглашалъ: «Духъ міра для достиженія своихъ цѣлей воспользовался нѣкогда народомъ Израиля. Сегодня онъ избралъ нѣмецкій народъ. Нѣмецкій народъ

— народъ духа, народъ Бога, и для него отнынѣ стирается разница между сферой духовной и сферой политической».

Все же не Гегелю, а Фихте, принадлежит сомнительная честь быть родоначальникомъ расизма. Отъ абстрактнаго интеллектуализма Гегеля пошло другое потомство: ученія Маркса и Ленина. Фихте же явился лучшимъ выразителемъ вѣчныхъ устремленій нѣмецкой души съ ея динамизмомъ, ирраціонализмомъ, и съ ея культомъ индивидуальных особенностей. Свѣдой рукою Фихте опрокидываетъ преграду, воздвигнутую Кантомъ между индивидуумомъ и космосомъ. «Моя система съ начала до конца — анализъ концепта свободы, — заявляетъ Фихте, — наше мировоззрѣніе — свободное созданіе свободнаго Я». Формулированное такимъ образомъ фихтеанство представляетъ собою «идеализмъ» въ своемъ самомъ чистомъ и самомъ опасномъ видѣ. Оно обожествляетъ человѣка, а затѣмъ, черезъ цѣлый лабиринтъ метафизическихъ и социологическихъ построений, ведетъ къ обожествленію націи, «свободной выразительницы своего свободнаго Я». Эта философская подстановка осуществляется Фихте въ его знаменитыхъ «Рѣчахъ къ германскому народу», произнесенныхъ въ 1808 году въ Берлинской Академіи, передъ молодыми студентами и подъ аккомпаниментъ барабаннаго боя марширующихъ по улицамъ города французскихъ оккупационныхъ отрядовъ.

Фихте не устоялъ передъ соблазномъ превратить философію въ орудіе политики. Его непосредственной цѣлью было усиленіе національнаго сознанія и народное возстаніе. Но брошенное имъ сѣмя не погибло и послѣ сверженія наполеоновскаго ига. Въ теченіе цѣлаго столѣтія всякіе второстепенные комментаторы оберегали наслѣдіе Фихте, порою искажая, порою дополняя его. Ученія Нише съ его экзальтацией «личности» и его пророчествами о «сверхъ-человѣкѣ» также влились струей въ это движеніе. Французъ Гобино первымъ въ серединѣ XIX столѣтія провозгласилъ принципъ неравенства расъ и значенія крови въ эволюціи человѣчества. Но взоръ Гобино былъ цѣлкомъ обращенъ къ прошлому. Для него раса являлась какъ бы первичной клѣточкой; чистыя расы существовали по его мнѣнію лишь въ до-историческія времена и нынѣ исчезли почти безслѣдно; на всемъ земномъ шарѣ сохранилось лишь нѣсколько тысячъ наслѣдниковъ «царственной крови», представителей исчезнувшей элиты, съ которой Гобино и чувствовалъ себя въ духовномъ родствѣ. Подобная аристократическая теорія не допускала, разумѣется, никакого практическаго прирѣненія. Чтобы создать современный воинствующій расизмъ, се

надо было вывернуть наизнанку, обратить остріе отъ прошлаго къ будущему и провозгласить возможность постепеннаго созданія чистыхъ расъ при помощи естественнаго отбора. Это было выполнено творцомъ современной расистской теоріи — англичаниномъ Х. С. Чемберленомъ въ его извѣстномъ трудѣ «Основы XIX-го вѣка». «Необходимо освободиться отъ историческихъ химеръ, отъ которыхъ страдалъ Гобино... Чистая раса не падаетъ съ неба. Она лишь понемногу облагораживается, подобно тому, какъ мы облагораживаемъ фруктовый деревья». Нѣмецкимъ политикамъ отнынѣ псевдонаукой была поставлена ясная и опредѣленная политическая цѣль: обезпеченіе торжества чистой германской расы.

Ибо именно эта раса германская, по мнѣнію Чемберлена, является наиболее одаренной, наиболее благородной, больше всѣхъ другихъ призванной руководить судьбами человѣчества. Кто такіе германцы? Чемберленъ обладаетъ слишкомъ большимъ научнымъ багажомъ, чтобы открыто поставить знакъ равенства между людьми германской расы и нѣмцами, какъ это будутъ дѣлать его легкомысленные послѣдователи. Къ тому же онъ — сынъ англійскаго генерала и племянникъ англійскаго адмирала: онъ готовъ отречься отъ своего отечества, но не отъ предрасудковъ англійской аристократіи. Поэтому Чемберлену приходится прибѣгнуть къ чрезвычайно смѣлому софизму: германцы, согласно его опредѣленію — «различные народы Сѣверной Европы, появляющіеся въ исторіи подъ наименованіемъ кельтовъ, нѣмцевъ и славянъ (!) и породившіе впослѣдствіи, путемъ смѣшенія, націи современной Европы».

Но увя, — заявляетъ Чемберленъ, — раньше, чѣмъ германской расѣ было дано проявить себя въ полномъ объемѣ, человѣчество постигаетъ большое несчастье. Въ моментъ паденія римской имперіи Европа подвергается нашествію африканскихъ и азіатскихъ племенъ. Евреи, въ жилахъ коихъ течетъ «подлая сирийская кровь» съ небольшою примѣсью благородной арабской и сѣверной крови, — проникаютъ своимъ духомъ европейскую цивилизацію. Происходитъ это черезъ посредство христіанской церкви, въ основу коей легли не одни лишь ученія Спасителя, индо-европейскій символизмъ и метафизика, но также еврейская нетерпимость и еврейская догматика...

Свое огромное двухтомное изслѣдованіе Чемберленъ заканчиваетъ восторженнымъ дифирамбомъ генію германской расы, восхваленіемъ ея исключительныхъ творческихъ талантовъ въ области политики, колонизаціи, экономики, науки и искусства. «Одни германцы, — говоритъ онъ, — способны въ наши дни

создавать мифы; одни они обладают даромъ откровения, открывающимъ врата въ міръ свободы и примиряющимъ механическое пониманіе внѣшняго міра съ идеализмомъ внутренняго опыта. Именно поэтому германцы стали создателями современной музыки — высшаго выраженія челоѳеческой души.

Могъ ли Чемберленъ предполагать, что его полуфантастическія теоріи послужатъ вскорѣ послѣ его смерти практическимъ руководствомъ для политическихъ дѣятелей? Въ этомъ позволительно усомниться. Чемберленъ былъ диллетантомъ, однимъ изъ тѣхъ англичанъ-оригиналовъ и эксцентриковъ, которыхъ нерѣдко можно встрѣтить въ различныхъ европейскихъ музеяхъ и бібліотекахъ. Для него теорія германизма была лишь забавой, игрой воображенія. Онъ разрабатывалъ ее одновременно съ составленіемъ разныхъ другихъ трудовъ: о физиологіи растений, о поэзіи Гете, о музыкѣ Вагнера (Чемберленъ былъ женатъ на дочери знаменитаго музыканта и ревностно пропагандировалъ его произведенія). Онъ не всегда доводилъ до конца свои логическія построенія.

Для проведенія въ жизнь ученій робкаго и болѣзненнаго фантаста писателя нужны были люди другого темперамента. Незадолго до своей смерти Чемберленъ принялъ у себя въ Байрейтѣ челоѳка, которому суждено было сдѣлаться его духовнымъ наслѣдникомъ: Адольфа Гитлера, ставшаго вскорѣ послѣ этого Фюреромъ Третьяго Рейха. «Вы не фанатикъ, — сказалъ онъ ему. — Фанатики возбуждаютъ умы. Вы же — воспламеняете сердца».

Опредѣленіе стараго англичанина-рenegата грѣшитъ неточностью. Вліяніе Гитлера на умы современной Германіи разумѣется, не меньше, чѣмъ его вліяніе на «сердца». Знаменитая книга его «Моя Борьба», разошедшаяся въ количествѣ двухъ милліоновъ экземпляровъ, стала политическимъ катехизисомъ для всей страны и въ особенности для всего подрастающаго поколѣнія. Экземпляръ «Моей Борьбы» выдается нынѣ каждому нѣмцу, вступающему въ бракъ. Всякій гимназистъ старшихъ классовъ обязанъ пріобрѣсти это сравнительно дорогое изданіе: если въ семьѣ два брата — каждый долженъ обладать отдѣльнымъ экземпляромъ. Въ старшихъ классахъ на еженедѣльныхъ урокахъ «политграмоты» учителя занимаются толкованіемъ этой расистской Библіи и заставляютъ заучивать отдѣльныя страницы чуть ли не наизусть.

Въ упомянутомъ выше трудѣ Чемберлена имѣется слѣдующая характерная фраза: «Если бы было доказано, что въ прош-

ломъ арийская раса вообще не существовала — то это ничего не значитъ. Мы хотимъ, чтобы такая возникла въ будущемъ: для людей дѣйствія — это рѣшающій моментъ». Вся программа Гитлера заключена въ этихъ краткихъ словахъ. Восемьсотъ страницъ, составляющія «Мою Борьбу» — одинъ сплошной призывъ къ систематическому и энергичному организованному дѣйствию. Изложение германскаго Фюрера довольно сумбурно. Говоритъ онъ попеременно о Габсбургахъ и о годахъ своего дѣтства, о борьбѣ съ венерическими болѣзнями и о методахъ политической пропаганды, о судьбахъ международнаго капитализма и о дракахъ съ коммунистами въ мюнхенскихъ пивняхъ. Но одна мысль доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ: необходимо очистить нѣмецкую кровь, дабы нѣмецкая душа, освобожденная отъ всякаго инородческаго воздействия, могла выявить себя въ полномъ объемѣ.

Гитлеръ, какъ извѣстно, самоучка и его построение, разумеется, не устоитъ ни передъ какой серьезной научной критикой. Онъ пророкъ, пророкъ дѣйствія и организаціи. «Моя борьба» прежде всего автобіографія. Гитлеръ, въ сущности, приводитъ свою жизнь въ примѣръ, чтобы доказать, какъ надо поступать, чтобы спасти Германію и обезпечить нѣмецкому народу полное торжество, ибо для него, въ противоположность Чемберлену, германизмъ — это попросту Германія, и больше ничего. Наибольшая извѣстность и популярность выпала на долю тѣхъ страницъ «Моей Борьбы», въ которыхъ онъ выражаетъ свою ненависть къ евреямъ и къ марксизму, или проповѣдуетъ крестовый походъ на Россію, для завладѣнія ея плодородными долинами, послѣ уничтоженія военной мощи Франціи. Но книга Гитлера даетъ также и ключъ къ пониманію духа новой эволюціи современной Германіи. Она представляетъ собою разительный примѣръ конкретизаціи абстрактной мысли, низведенной съ высшаго плана умственной игры въ низменную сферу прямого дѣйствія.

На стр. 507 своей книги Гитлеръ прямо заявляетъ, что «мировоззрѣнія вообще не допускаютъ компромисса. Они по существу непогрѣшимы... Расистское мировоззрѣніе, — говоритъ онъ дальше, — не можетъ поэтому удовлетвориться ролью, которая предоставляется какой-нибудь партіи наряду съ другими партіями: оно нуждается въ полномъ и исключительномъ признаніи, оно требуетъ преобразования всей соціальной жизни соответственно своимъ идеямъ».

«Вѣдь и христіанство, — говоритъ авторъ, — не могло до-

вольствоваться тѣмъ, что оно воздвигало свои алтари: оно должно было разрушать алтари язычниковъ!»

Впадая въ нѣкоторую нелогичность, Гитлеръ при этомъ не выставляетъ себя непримиримымъ врагомъ церкви. «Покуда нѣтъ ничего, что бы могло замѣстить церковь, лишь безумецъ или преступникъ можетъ стремиться къ разрушенію существующаго. Наше движеніе, — продолжаетъ онъ, — не желаетъ выступать по вопросамъ, выходящимъ изъ рамокъ чисто политической дѣятельности или имѣющимъ принципиальное значеніе. Наша цѣль — не религиозная реформа, а политическая реорганизация страны. Мы усматриваемъ въ религиозныхъ вѣроисповѣданіяхъ цѣнную поддержку для существованія народовъ».

Со свойственнымъ ему невѣроятнымъ эгоцентризмомъ, Гитлеръ даже не спрашиваетъ себя, въ какой мѣрѣ церковь можетъ согласиться на оказаніе «цѣнной поддержки» движенію, которое самымъ рѣшительнымъ образомъ оспариваетъ основные догматы ея ученія.

Ибо какъ примирить вѣроученіе церкви съ расистскими идеями, въ отношеніи коихъ Гитлеръ не допускаетъ ни малѣйшей уступки? Человѣчество въ его глазахъ не представляетъ собою единого цѣлаго. Человѣческія расы настолько же различны другъ отъ друга, какъ отдѣльные виды зоологическаго міра. Скрещеніе арійской и еврейской крови представляется ему столь же противоестественнымъ, какъ «скрещеніе гуся съ лисой». А разъ не существуетъ «единого стада», то какая же можетъ быть рѣчь о «единомъ пастырѣ»? Гитлеръ убѣжденъ, что наряду съ народами, создающими всѣ тѣ блага, которыя мы привыкли объединять подъ словомъ «цивилизация» или «культура», имѣются другіе, способные лишь къ разрушенію этихъ благъ. Еврен, разумѣется, принадлежать къ этой послѣдней категоріи: на протяжении вѣковъ эта раса «паразитовъ» упорно преслѣдовала однѣ лишь разрушительныя цѣли, пользуясь въ прошломъ поддержкой жадныхъ монарховъ, а въ настоящемъ — масонскихъ организацій, подкупной прессы и выродившихся демократическихъ учреждений. Тщательно избѣгая полемики съ церковью, Гитлеръ ни разу не упоминаетъ о значеніи крещенія. Но для внимательнаго читателя не можетъ оставаться сомнѣній: никакое таинство не способно очистить отъ скверны эту семитскую кровь и устранить этимъ самымъ препятствіе къ сліянію ея съ германской кровью. Для Гитлера нѣтъ болѣе священнаго права и болѣе священной обязанности, какъ сохраненіе «чистой крови», дающей «лучшимъ представителямъ чело-

вѣческой расы возможность свободного и благороднаго выявленія своей личности».

Этихъ немногихъ цитатъ вполне достаточно, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, насколько основныя предпосылки гитлеровской программы непримиримы съ ученіемъ христіанской Церкви, которому онъ выше какъ бы отдасть дань уваженія. Слова Новаго Завета: «Нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ» — не могутъ найти себѣ примѣненія въ государствѣ, подчиненномъ диктатурѣ автора «Моей Борьбы».

Странная судьба постигла нѣмецкій расизмъ! Его основоположниками явились французъ и англичанинъ, а австриецъ превратилъ его въ программу практическаго дѣйствія. На долю бывшаго русскаго подданнаго, уроженца Эстоніи, выпала задача окончательнаго воплощенія его въ форму философской системы. Националь-соціалисты констатируютъ этотъ фактъ безъ всякой ироніи: принадлежность къ тому или иному государству играетъ въ ихъ глазахъ совершенно второстепенную роль, въ расчетъ принимается лишь одна расовая принадлежность. Пусть Альфредъ Розенбергъ — сынъ ревельскаго купца и воспитанникъ рижскаго политехникума, получившій дипломъ архитектора въ Москвѣ, въ январѣ 1918 года — все это не имѣетъ никакого значенія, разъ въ его жилахъ течетъ «чистая германская кровь». Ничто не можетъ помѣшать при такихъ условіяхъ выходу изъ совѣтской Россіи стать официальнымъ глашатаемъ нѣмецкаго національ-соціализма и воспитателемъ германскаго юношества въ строгомъ соответствіи съ духомъ воинствующаго расизма.

Основной трудъ Розенберга «Мифъ XX вѣка», выдержавшій тиражъ въ 400.000 экземпляровъ, представляетъ собою подлинную энциклопедію національ-соціализма и попытку примѣненія расистской теоріи ко всемъ областямъ политической, социальной, религіозной, экономической и литературно-художественной жизни.

Разобраться въ этомъ хаосѣ парадоксовъ, программъ, полемическихъ выпадовъ, пророческихъ выкриковъ — вещь нелегкая. Но основной философскій тезисъ Розенберга изложенъ авторомъ съ полной ясностью на первыхъ же страницахъ. Теоретикъ расизма и національ-соціализма признаетъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ дуалистическаго и динамическаго міровоззрѣнія. Взглядъ на міръ, какъ на сплоскъ вѣка существующее единое духовное цѣлое, ему орга-

нически чужды. «Наша эпоха, — говорит онъ, — отказывается отъ безграничнаго Абсолюта. Она отворачивается отъ всего того, что выходитъ за предѣлы живого органическаго существа; она отворачивается отъ учений, которыя стремятся мирными или насильственными путями къ установленію сверхчеловѣческой общности всѣхъ человѣческихъ душъ. Таково было ученіе о христіанизации міра и о спасеніи черезъ посредство Христа, снизошедшаго на землю. Такова была мечта о гуманизации всего человѣчества. Этотъ идеаль былъ похороненъ въ кровавомъ хаосѣ міровой войны и заглушенъ появленіемъ новаго ученія. У этого ветхаго идеала еще остались жрецы и сторонники, проникнутые все больше и больше фанатизмомъ — но жизнь пошла другимъ путемъ». «Монистическое мировоззрѣніе, — продолжаетъ Розенбергъ, — будь оно основано на материализмѣ или на спиритуализмѣ, забываетъ объ основномъ явленіи всего міроздавія. Оно упускаетъ изъ виду принципъ «полярности», двойственности всего существующаго». «Я и Космосъ навѣки остаются противоположными другъ другу въ качествѣ двухъ крайнихъ полярностей».

Къ разрѣшенію основныхъ метафизическихъ проблемъ возможны два подхода: динамическій и статическій... Статическая философія будетъ стремиться къ монизму, къ общему синтезу, къ единому символу, къ Единому Богу. Таковъ былъ Іегова, богъ евреевъ, вошедшій въ западно-европейскую мысль черезъ христіанскую догматику. Статическая система — это спинной хребетъ римско-католической церкви, подчиняющей все закону и не оставляющей никакого простора личности. Сегодня ветхій Іегова переименовалъ названіе: его именуютъ Человѣчествомъ, свободой, либерализмомъ, пролетаріатомъ. Но подъ новой этикеткой скрывается попрежнему единый основной принципъ.

Не таковъ, по мнѣнію Розенберга, подходъ германца къ основнымъ вопросамъ нашей духовной жизни. Его подходъ — динамическій, проникнутый враждой къ неподвижному монизму и яснымъ сознаніемъ пропасти, раздѣляющей міръ свободы и міръ природы. Вѣра германца — это постоянная динамическая борьба, направленная къ выявленію своего основного существа. Этой вѣрой проникнуты даже тѣ изъ германскихъ мистиковъ, которые наиболѣе отдалены отъ мірскихъ заботъ. Для сѣверныхъ народовъ Откровеніе можетъ лишь служить къ укрѣпленію его личности, а не къ уничтоженію ея законами природы, къ чему стремится еврейское и римское богословіе.

Какъ уже указано, первѣйшимъ врагомъ этого дуалистиче-

скаго и динамическаго германскаго міровоззрѣнія инается, въ глазахъ Розенберга, римско-католическая церковь.

По мнѣнію Розенберга, римско-католическая церковь въ конѣ извратила ученіе Христа, она отравлена магіей этрусскаго племени и еврейскими догматами объ Абсолютѣ, о Іеговѣ и единомъ законѣ. Розенбергъ поэтому ставитъ своей задачей разрушеніе всѣхъ догматовъ католичества, или вѣрнѣе церковнаго христіанства. «Народъ, сохранившій расовую чистоту, не можетъ принять ученія о наследственномъ грѣхѣ, разрушающаго вѣру въ себя и въ свою судьбу». Заодно имъ отвергается и чувство грѣховности вообще, ибо такое ведетъ къ уничтоженію свободной личности. Отвергается и чувство любви и состраданія, ибо оно не содержитъ въ себѣ элемента дѣйственности, необходимаго для образованія націй и государствъ. («Ни одна армія еще не принесла себя въ жертву ради этихъ чувствъ».) Отвергаются попутно и таинства, «ведущія къ уничтоженію личности, ибо благодать таинства достигается не личнымъ усиленіемъ, а актомъ, идущимъ извнѣ».

Зато Розенбергъ не скупится на похвалы всѣмъ тѣмъ мыслителямъ, которые въ теченіе вѣковъ возвышали свой голосъ противъ церкви, начиная съ греческаго философа Маркіона, который «тоже былъ защитникомъ сѣверной мысли». Съ особеннымъ восторгомъ Розенбергъ отзывается о средневѣковомъ мистикѣ, доминиканскомъ монахѣ Эккегартѣ, сказавшемъ какъ-то: «Наиболѣе цѣнное въ человѣкѣ — это его кровь». Одной этой, вѣроятно вырванной изъ контекста, фразы оказывается достаточно для превращенія глубоко вѣрующаго католика въ пророка националь-соціалистическаго расизма.

Гораздо болѣе сдержанно отношеніе автора «Мифа XX вѣка» къ дѣятелямъ реформации и создателямъ протестантской церкви.

«Протестантизмъ, — говоритъ Розенбергъ, — остановился на полпути. Вмѣсто Рима, онъ воздвигъ Іерусалимъ въ качествѣ своего духовнаго центра. Онъ не сумѣлъ освободиться отъ обветшалыхъ цѣпей. Еще сегодня мы тянемъ за собою его догматы о таинствѣ причастія, представляющіе собою ничто иное, какъ преклоненіе передъ матеріей».

Не довольствуясь нападками на своихъ противниковъ, Розенбергъ пытается определить основы новой церкви и новой организациіи человѣчества. Принципъ крови и расы долженъ, по его мнѣнію, лечь въ основу права, воспитанія, искусства, соціального строя и даже международной жизни. Онъ мечтаетъ о новой политической системѣ, гдѣ сѣверной расѣ будетъ обез-

печено полное преобладание, и гдѣ первенствующая роль будетъ предоставлена наряду съ Германіей Франціи, Англіи и Соединеннымъ Штатамъ, но лишь послѣ того, какъ они освободятся отъ своихъ евреевъ и отъ своихъ негровъ. Для Россіи, управляемой сегодня Смердяковыми, евреями и людьми монголо-калмыцкаго типа, вродѣ Ленина, разумѣется, не оказывается больше мѣста въ этой семьѣ сѣверныхъ народовъ.

Обращаясь къ учению будущей новой церкви, Розенбергъ противопоставляетъ понятію духа понятіе крови, морали подчиненія — мораль свободы, учению любви — учение чести и символу креста — символъ свастики.

Для созданія новой національной церкви, — говоритъ Розенбергъ, — нуженъ релігіозный гениі: Германія ждетъ его появленія. Но контуры будущаго зданія обрисовываются уже сейчасъ. И не выжидая момента завершения его постройки, нѣмцы должны отречься отъ всѣхъ матеріалистическихъ или магическихъ формулъ (свойственныхъ клерикальному догматизму, равно какъ и либеральнымъ учениямъ) и всецѣло отдаться культу чести, гордости и внутренней свободы.

Поэтому Ветхій Завѣтъ не можетъ быть больше допущенъ въ качествѣ предмета преподаванія. Новый же Завѣтъ долженъ быть очищенъ отъ всякихъ искаженій и суевѣрій, какъ напримѣръ отъ «ложно приписываемыхъ» Христу словъ: «если кто ударитъ тебя по правой щекѣ — подставь ему лѣвую». Должно быть написано Пятое Евангеліе — и его нравственное вѣроученіе не будетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что мы до сихъ поръ слышали отъ священниковъ и пасторовъ. «Идея чести — національной чести — явится для насъ началомъ и концомъ всѣхъ нашихъ мыслей и всѣхъ нашихъ дѣйствій, не допуская наряду съ собою никакихъ равныхъ цѣнностей». «Для нашего молодого поколѣнія достаточно одного созерцанія великой личности творца христіанства въ ея истинномъ обликѣ, освобожденномъ отъ всей той ерунды, которую ее окружили еврейскіе zeloty, вродѣ апостола Матфея, матеріалистическіе раввини, вродѣ апостола Павла, и африканскіе законники, вродѣ Тертуліана».

Съ этими оговорками Розенбергъ соглашается «принять личность Спасителя». Несмотря на всѣ лжеученія христіанскихъ церквей, «Христосъ является одной изъ отправныхъ точекъ нашей исторіи». Онъ — Богъ европейцевъ. Необходимо лишь найти правильное толкованіе Его характера. Жадная до власти римско-католическая церковь была заинтересована въ томъ, чтобы изобразить намъ Христа въ покорномъ и униженномъ обликѣ...

Сегодня Огнь намъ представляется Господиномъ, преисполненнымъ сознаниемъ собственныхъ силъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова. Сѣверный человекъ интересуется жизнью Христа, а не Его скорбной смертью. Могушественный и гитлеровый проповѣдникъ, а не жертвенный Агнецъ еврейскихъ пророковъ, не Распятый — таковъ идеаль, который мы нынѣ черпаемъ изъ Евангелія. «Во всѣхъ храмахъ германской церкви долженъ красоваться, вмѣсто Распятія, символъ огня и героизма».

Въ основу всего ученія новой германской церкви ложится, согласно Розенбергу, понятие служенія германскому народу. Фридрицианское понятие чести, понятие о дисциплинѣ, выраженныя Мольтке, и священная воля, проявленныя Бисмаркомъ, — таковы три силы, которыя, воплощаясь въ различныхъ фигурахъ, служатъ одной и той же цѣли, чести германской нации. Онъ то и является мифомъ, который долженъ опредѣлить типъ германца въ будущемъ... «Вѣрность солдата, который борется за честь своего народа — жизненный стимулъ всей нашей эпохи... Нѣмцы должны окунуться въ свой древній мистицизмъ, завладѣть величьемъ души Эккегарта и понять, что этотъ средневѣковый монахъ и современный герой въ военной формѣ сѣраго защитнаго цвѣта, со стальной каской на головѣ — представляютъ собою одно и то же. И тогда откроется путь германской религии будущего, истинно нѣмецкой церкви и тоталитарной нѣмецкой культуры».

Чтобы покончить съ теоріями Розенберга, намъ остается лишь привести нѣсколько фразъ изъ «Мифа XX вѣка». Фразы эти обычно ускользаютъ отъ вниманія критиковъ, — но онѣ содержатъ въ себѣ всю внутреннюю сущность идеологии, которую мы вправѣ назвать «националь-соціалистической ересью».

«Духъ германскаго динамизма, — заявляетъ Розенбергъ (стр. 263 «Мифа»), — никогда не проявляется путемъ бѣгства отъ міра. Этотъ духъ хочетъ бороться и покорить міръ. Для достиженія этой цѣли онъ располагаетъ двумя методами: методомъ религіозно-артистически-метафизическимъ, и вторымъ методомъ — опытнымъ «люциферіанскимъ». Нѣсколькими страницами дальше онъ возвращается къ этой проблемѣ: «Тотъ, кто, уносимый скорымъ поѣздомъ или быстроходнымъ автомобилемъ, не ощущаетъ могушества Люцифера, торжествующаго надъ временемъ и пространствомъ, тотъ, кто окруженный машинами, металлическими сооруженіями, сплѣніемъ ты-

саячь колесъ, не ошушасть пульса эмпирической силы, торжествующей надъ міромъ, — тотъ не понялъ одну изъ сторонъ германо-европейской души и никогда не пойметъ другой стороны ея — стороны мистической.

Провозглашая столь открыто люциферіанскій принципъ германскаго національ-соціализма, Розенбергъ все же какъ бы пытается не доходить до границъ сатанизма. «Сатаническій принципъ, — говоритъ онъ, — касается моральной стороны механическаго усилія для завладѣнія міромъ... Люциферіанство — это борьба за подчиненіе матері, которая не имѣетъ своимъ основнымъ мотивомъ личную выгоду». Предоставимъ богословамъ разбираться въ этихъ діалектическихъ тонкостяхъ. Не признаетъ ли и самъ Розенбергъ (на стр. 264), что «люциферіанское устремленіе къ владычеству надъ міромъ можетъ легко принять сатанинскій характеръ»?

Выводъ изъ всего изложеннаго напрашивается самъ собой. Теоретики національ-соціализма противопоставляютъ новый идеалъ, преисполненный люциферіанской гордости, всѣмъ традиціоннымъ ученіямъ объ единствѣ мірозданія и о солидарности всего рода человѣческаго. Они вступаютъ въ неразрѣшимый идеологическій конфликтъ со всѣми остальными народами, вѣрными своимъ исконнымъ идеаламъ. Они вступаютъ въ такой же неразрѣшимый идеологическій конфликтъ съ христіанскою церковью.

Адольфъ Гитлеръ заявляетъ какъ-то въ «Моей Борьбѣ»: «Я вижу въ людяхъ, желающихъ втянуть расистское движеніе въ религіозныя распри, болѣе опасныхъ враговъ моего народа, чѣмъ въ любомъ коммунистѣ-интернаціоналистѣ».

Могъ ли онъ быть достаточно наивнымъ, чтобы допускать возможность избѣжать открытаго столкновенія съ традиціонными церковными вѣрученіями послѣ захвата власти его партией? Могъ ли онъ дѣйствительно предполагать, что его сторонники и послѣдователи не примутся при первой же возможности за созданіе новой церкви, согласно предначертаніямъ близкаго его друга Розенберга?

Событія, имѣвшія мѣсто за первые три года послѣ его прихода къ власти, давно уже опровергли эти легкомысленныя ожиданія, если онъ вообще когда-либо ихъ искренно питалъ. Сразу же съ установленіемъ Третьяго Рейха въ Германіи поднялась цѣлая волна нео-паганізма, стремящагося къ возстановленію вѣрованій древнихъ тевтоновъ.

«Христіанство представляется для насъ не только чуждымъ

элементом». — писалъ Лейпцигскій профессор Эрнстъ Берманъ, — «христіанство — это подлинная болѣзнь средиземныхъ расъ, это релігія смерти. Человѣчество вскорѣ пойметъ, что начиная съ перваго года нашей эры его исторія писалась шиворотъ навыворотъ: оно пойметъ, что два тысячелѣтія, нынѣ заканчивающіяся, представляютъ собою наиболее мрачную главу въ міровой исторіи».

«Личность Христа, — заявлялъ со своей стороны Марбургскій профессоръ Германъ Виртъ, — является лишь видоизмѣненіемъ облика сѣвернаго Спасителя, бога Свѣта, рожденіе коего совпадаетъ съ ежегоднымъ зимнимъ солнцестояніемъ».

Надлежитъ однако признать, что пропаганда этихъ новоявленныхныхъ язычниковъ не увѣчалась особымъ успѣхомъ. За исключеніемъ Людендорфа, всѣ руководители національ-соціализма отнеслись къ этому новому релігіозному движенію съ нескрываемой враждебностью. Гитлеръ обвинилъ нео-паганизмъ въ реакціонномъ уклонѣ, а Розенбергъ открыто заявилъ, что «Вотанъ умеръ пятнадцать столѣтій тому назадъ». При данныхъ условіяхъ надежды на созданіе новой языческой вѣры могутъ считаться отпавшими. Одни лишь падкіе до сенсаціи иностранные журналисты придаютъ еще серьезное значеніе языческимъ церемоніямъ, вродѣ вѣнчанія подъ сѣнью нѣмецкаго дубоваго лѣса, привлекающее лишь немногочисленныхъ чужаковъ. Католическій писатель д'Аркуръ, обстоятельно изучившій релігіозную проблему Германіи, разумѣется, гораздо ближе къ истинѣ, когда заявляетъ въ «Revue des deux Mondes»: «Нѣмецкій нео-паганизмъ — это просто шутка».

Несравненно болѣе серьезное значеніе имѣетъ скрытая борьба, начатая руководителями національ-соціализма противъ установленныхъ церквей — католичества и протестантства. Положеніе двухъ церквей при этомъ не одинаково. Позиція католичества значительно крѣпче. Власть лишена возможности дѣйствовать въ лонѣ самой католической церкви. Ей остаются лишь способы внѣшняго воздѣйствія: ораторскіе выпады, пропаганда въ печати, преслѣдованіе духовенства на «законной почвѣ», заключеніе монаховъ въ тюрьму за «вывозъ валюты», о чемъ почти ежедневно повѣстуетъ печать. Анти-католическія выступленія германскихъ министровъ отличаются порою неавбродной рѣзкостью. Самъ Герингъ, торжественно вѣнчавшійся въ прошломъ году въ католической церкви Св. Ядвиги, открыто провозглашаетъ «свою непоколебимую рѣшимость сломить всякое сопротивленіе католицизма»; онъ добавляетъ къ этому, что «призывъ Бога противъ государства съ высоты церковной ка-

федры является чудовищным проступком... В своем невѣроятном цинизмѣ католики доходят до того, что замѣняютъ священный возгласъ «Слава нашему Фюреру Адольфу Гитлеру» лицемерными словами: «Слава нашему Небесному Вождю Иисусу Христу». Очевидно, въ глазахъ прусскаго председателя совѣта министровъ возславление Спасителя равносильно оскорбленію вождя національ-соціализма. Разумѣется, такіа крайности бьютъ мимо цѣли: можно предположить, что эти грубые выпады лишь укрѣпляютъ преданность церкви у вѣрующихъ католиковъ. Въ бытность мою въ Германіи мнѣ самому пришлось слышать отъ представителей національ-соціалистическихъ газетъ о трудностяхъ, испытываемыхъ ими при попыткахъ расширить свой тиражъ и заказы на рекламу. Въ католическихъ провинціяхъ, — говорили они, — население ни за что не хочетъ отказаться отъ своихъ «старыхъ суевѣрій».

Положеніе протестантской церкви представляется несравненно болѣе затруднительнымъ. Она подчинена непосредственно государству: власть имѣетъ возможность дѣйствовать на нее и извнѣ и изнутри.

Уже сейчасъ она раздираема внутренними раздорами. Съ одной стороны мы видимъ всѣхъ пасторовъ, сохранившихъ вѣрность аугсбургскому вѣроисповѣданію и возражающихъ напримѣръ противъ изгнанія священнослужителей еврейскаго происхожденія. Съ другой — министра вѣроисповѣданій Керрля и назначеннаго правительствомъ епископа, возглавляющаго официальную церковь. Мировозрѣніе этихъ официальныхъ круговъ лучше всего явствуетъ изъ появившейся недавно за подписью этого епископа Мюллера переложенія на нѣмецкій ладъ «Нагорной Проповѣди». («Блаженны тѣ, кто дѣйствуютъ всегда, какъ добрые камрады. Ихъ жизнь будетъ удачная... Блаженны тѣ, кто мужественно переносятъ страданія... Если вашъ товарищъ въ возбужденномъ состояніи васъ ударитъ, не всегда полезно отвѣчать ему тѣмъ же: болѣе мужественно огнестись къ этому поступку спокойно и вѣроятно вашъ товарищъ устыдится» и т. п.). Но правительственная церковь придерживается въ общемъ еще сравнительно умѣренной программы. Наряду съ нею въ лонѣ протестантства возникаютъ все новыя и новыя группировки, преисполненныя чисто національ-соціалистическаго духа и не желающія признавать ни новыхъ официальныхъ руководителей, ни старыхъ церковныхъ авторитетовъ. Среди этихъ движеній «нѣмецкіе христіане» и сторонники «нѣмецкой вѣры» заслуживаютъ особаго вниманія.

Движеніе «христіанъ-нѣмцевъ» (Glaubensbewegung der

Deutschen Christen) отнюдь не представляет собою монолитного цѣлага: оно объединяетъ вѣрующихъ самыхъ различныхъ отбѣнокъ, выразителями коихъ можно считать епископа Мюллера, пасторовъ Краузе, Госсенфельдера и многихъ другихъ. На первомъ конгрессѣ христіанъ-нѣмцевъ, состоявшемся въ апрѣлѣ 1933 года, были приняты слѣдующіе 10 основныхъ тезисовъ: Богъ дѣйствуетъ черезъ природу, черезъ исторію и черезъ церковь; германцы и германизмъ созданы Богомъ. Отрѣшеніе отъ германской общности, выражающей Божью волю, — тяжкій грѣхъ; церковь можетъ существовать лишь на національныхъ основахъ и ея организація должна руководствоваться принципомъ вождизма; крещеный еврей остается евреемъ и не дѣлается нѣмцемъ христіаниномъ; нѣмецкая церковь не можетъ считать своей задачей обращеніе евреевъ въ христіанство. — Нѣмцы христіане полагаютъ далѣе, что тоталитарное ученіе національ-соціализма должно цѣлкомъ распространиться и на религіозно-культурную область, причемъ реформа Лютера должна быть восполнена проведеніемъ расоваго принципа. Они отвергаютъ Ветхій Завѣтъ и желаютъ очистить Новый Завѣтъ, какъ этого уже требовалъ Розенбергъ, отъ всѣхъ доктринъ, проповѣдующихъ покорность и страданіе. Распятому Христу они также противопоставляютъ Христа-героя.

Движеніе «нѣмецкой вѣры», *Arbeitsgemeinschaft der Deutschen Glaubensbewegung*, возникшее въ 1934 году, идетъ еще далѣе. Та религія, которую оно стремится создать, не имѣетъ уже почти ничего общаго съ христіанствомъ. «Наша церковь — германскій фатерландъ», — заявляютъ новѣйшіе руководители этого движенія (вродѣ проф. Гауэра). «Наша Библия — это нѣмецкая душа. Наши священники — это всѣ нѣмцы, преисполненные сознанія своей расы; наше исповѣданіе — это кровь и земля, свобода и честь; нашъ символъ — древній языческой знакъ свастики». Въ поясненіе этихъ положеній вдохновители движенія указываютъ, что духовныя устремленія сѣверныхъ германскихъ народовъ вообще не могутъ быть уложены въ неподвижные догматы. Динамизмъ и интуиція сѣверной души выявляются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, соответственно особенностямъ каждой отдѣльной личности. Принципъ Абсолюта, единой общей для всѣхъ Истины, окончательно отвергается ими. Всѣ религіозныя устремленія унитаризма здѣсь доведены до логическаго конца: до полной анархіи. «Я вѣрую въ Человѣка, верховнаго владыку надъ всѣми предметами и всѣми силами Вселенной», — гласитъ ихъ символъ вѣры. — «Я вѣрую въ

Нѣмца, владыку надъ самимъ собою, рожденнаго подъ сѣвернымъ небомъ, страдавшаго отъ папистовъ и послѣдователей Мамона..., воскресшаго послѣ десятилѣтій страданій и отчаяннн отъ мрака національной смерти..., возстающаго рядомъ со своимъ Братомъ Казарянниномъ, одесную отъ Предвѣчнаго...»

На этой кощунственной пародіи мы можемъ закончить наше изложеніе. Сторонники новоявленной нѣмецкой «ереси» зашли такъ далеко, что даже нѣкоторые лица, поначалу потрудившіяся надъ выработкой подлиннаго «нѣмецкаго религіознаго міровоззрѣнія», нынѣ въ ужасѣ отшатываются отъ созданнаго ими. Одинъ изъ создателей движенія «нѣмецкой вѣры», гр. Ревентловъ, недавно сложилъ съ себя предсѣдательскія обязанности, заявляя о недопустимости религіознаго конфликта въ національ соціалистической Германіи. Но разгорѣвшійся пожаръ не такъ то легко потушить. Правительство Гитлера вѣроятно также не желаетъ обостренія религіозной борьбы, но ученія, которымъ оно покровительствуетъ, неизбѣжно ее вызываютъ. Лютеранскій архіепископъ Упсалы заявилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что міровоззрѣніе Гитлера представляется ему «химически чистымъ отъ всякой примѣси христіанства». Многочисленные лютеранскіе пасторы въ Германіи повидимому придерживаются того же мнѣнія. Братскій совѣтъ пасторовъ Аугсбургскаго вѣроисповѣданія заявилъ въ январѣ 1936 года, что «церковь получила свое назначеніе отъ Господа и призвана дать отчетъ одному лишь Спасителю». «Церковное управленіе, созданное правительствомъ, — добавляють они, — не можетъ быть нами признано. Мы продолжаемъ уповать на Господа, и на Его Слово».

Отпоръ со стороны католичества носить не менѣе рѣшительный характеръ. Австрія является въ настоящее время плацдармомъ Ватикана въ его борьбѣ съ нѣмецкой «ересью». Въ церквахъ во воскресеньямъ тамъ произносятся страстныя обличительныя рѣчи противъ новыхъ лжеученій. Во главѣ этой пропаганды стоитъ, повидимому, архіепископъ Зальцбургскій. Католичество не забыло о борьбѣ, которую оно нѣкогда вело противъ несомнѣнно болѣе скромныхъ, чѣмъ теперешнія, притязаній Бисмарка. Въ средніе вѣка Фюреръ былъ бы отлученъ отъ церкви. Сейчасъ подобная мѣра представляется невысказанной — но своего оружія католическая церковь не сложила. Борьба продолжается и исходъ ея сейчасъ трудно предвидѣть.

К. Грюнвальдъ.